

М. К. Амелина

**«БОЛЬШОЙ ПЕРЕХОД НА НЕНЕЦКИЙ»: РЕКОНСТРУКЦИЯ
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ТУХАРДСКОЙ ТУНДРЕ
(ТАЙМЫРСКИЙ ДОЛГАНО-НЕНЕЦКИЙ РАЙОН)
ПО ДАННЫМ ЯЗЫКОВЫХ БИОГРАФИЙ¹**

В данной статье к рассмотрению привлекается материал, собранный автором в ходе экспедиции (в ноябре-декабре 2017 г.) в п. Тухард (сельского поселения Караул) Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края и на стойбищах оленеводов в Тухардской тундре. В первом разделе статьи очерчены границы Тухардской тундры, кратко обозначены основные вехи в истории п. Тухард, приведены данные по численности населения данного региона. Во втором разделе автор описывает, что представляет собой материал исследования (это подробные социолингвистические интервью с разбором родословных и языковых биографий носителей тухардского говора таймырского диалекта тундрового ненецкого языка), и рассматривает основные трудности и проблемы метода социолингвистической реконструкции по данным языковых биографий. В третьем разделе приводятся фамилии представителей разных локальных этнических групп Тухардской тундры (тундровые ненцы, тундровые энцы, долгане и т.д.). Четвёртый раздел статьи иллюстрирует возможности метода социолингвистической реконструкции по данным языковых биографий: в нём последовательно рассмотрены особенности функционирования многоязычия в условиях смешанных браков и ведения хозяйственной деятельности представителями разных этнических групп, а также лингвистические идеологии, которые за этим стоят. Кроме того, в этом разделе наглядно показано, как происходит утрата этого многоязычия («большой переход на ненецкий»). В заключение статьи делается вывод об уникальности локальной группы тухардских ненцев, в которой «растворено» множество иноэтничных компонентов.

Ключевые слова: *тундровый ненецкий язык, тундровый энецкий диалект, долганский язык, языковая биография, социолингвистика, лингвистическая идеология, многоязычие, локальная этническая группа.*

1. Локальная география: Тухардская тундра и посёлок Тухард

В настоящее время Тухардской тундрой называется территория на левом берегу Енисея в его нижнем течении, административно входящая в состав Караульского сельского поселения (бывшего Усть-Енисейского района) Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края, см. рис. 1. Тухардская тундра представляет собой самую юго-западную часть Таймырского Долгано-Ненецкого района. Условная граница Тухардской тундры на западе совпадает с административной границей между Ямало-Ненецким автономным округом и Таймырским Долгано-Ненецким районом, на востоке же данная территория простирается до Енисея. Что касается северной и южной границ Тухардской тундры, то они более размыты и субъективны и не имеют таких жёстких административных и природно-географических привязок, как западная и восточная. Так, на севере условной границей Тухардской тундры и более северной, Носковской (по названию посёлка Носок), можно считать широту фактории Пóсино, расположенной на протоке Малый Енисей (чуть южнее посёлка Казанцево, только на левом берегу Енисея). На юг же Тухардская тундра простирается по левому берегу Енисея примерно до широты озера Тампé (практически посередине между Дудинкой и посёлком Потапово).

¹ Сбор материала и работа над статьей осуществлялись в рамках проекта РНФ № 17-18-01649.

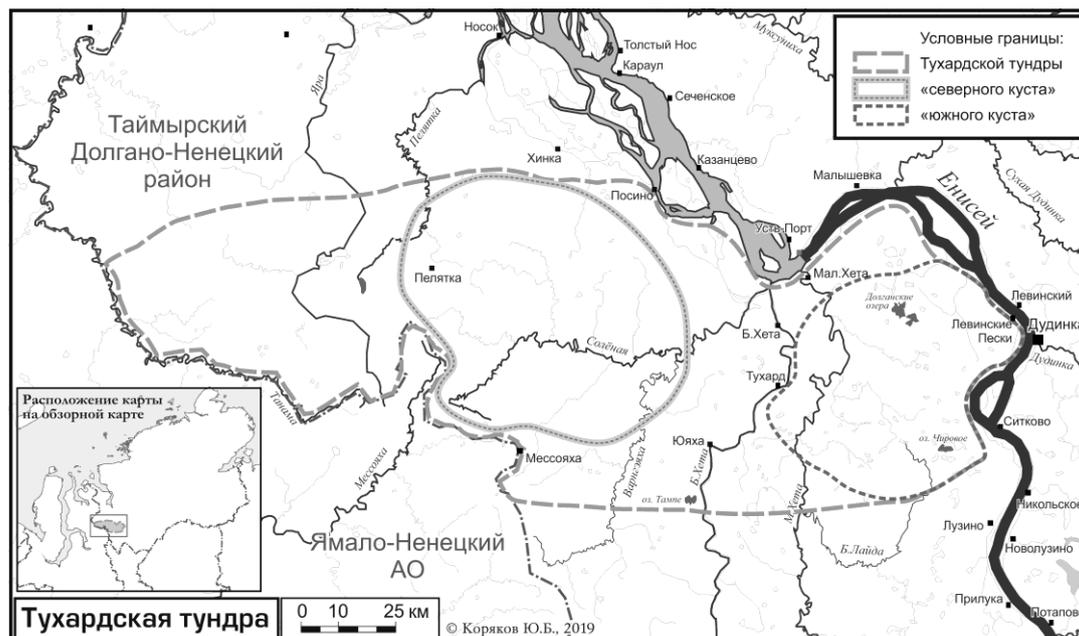

Рис. 1.

Помимо Енисея и его проток, важными водными артериями Тухардской тундры являются рр. Большая Хета и Малая Хета. На правом берегу Малой Хеты в нескольких километрах от её устья во второй половине XX в. располагался посёлок Малая Хета, в настоящее время уже нежилой. А до начала разработок месторождений газа в Тухардской тундре в конце 1960-х гг. на берегу р. Большая Хета существовала «промысловая точка» Пальчиных – рыбацкое поселение Кислый Мыс, ТН *Tībей Сăля* (*Tībiej^{o2} Sălia*)³. Так, одна из наших информанток, Пальчина Наталья Афанасьевна (1956 г. р.), рассказывала о поселении Кислый Мыс как о родовом месте рыболовного промысла своего отца, Пальчина Афанасия Афанасьевича (1900 / 1905 г. р.), где прошло ее детство и отрочество. После открытия Мессояхинского месторождения, в 1968 г. на месте поселения Кислый Мыс (в 76 км к западу от Дудинки) как отправная точка в постройке газопровода «Мессояха – Дудинка – Норильск» был официально образован посёлок Тухард (на старых картах обозначался также как Тухарт), ТН *Tu' харăд* = *Tu-[?] харăд*⁴ ('огонь-GEN.SG' + 'посёлок / населённый пункт / село; дом' = букв. 'огня посёлок'), название которого можно перевести с тундрового ненецкого языка как «место, где добывают огонь», т.е. газ (второе название Тухарда – Факел). В настоящий момент Тухард представляет собой населённый пункт, состоящий из двух частей: «нижнего посёлка» (ближе к Большой Хете) и «верхнего посёлка» (дальше от Большой Хеты)⁵.

² Символом ° здесь и далее обозначается «глубинная» гласная редуцированная фонема, значимая для тундрово-ненецкой морфонологии.

³ Ср.: *tībей* 'гнилой; кислый, испорченный; тухлый' (Терещенко, 1965: 655), *сăля* 'мыс, полуостров; возвышенность около водоёма' (Терещенко, 1965: 526).

⁴ Символом ? здесь и далее обозначен «звонкий» гортанный смычный согласный = ' в записи Н. М. Терещенко (Терещенко, 1965), *h* – в обозначении Т. Салминена (Salminen, 1998).

⁵ В «нижнем посёлке» в основном проживает пришлое («вахтовое») население, находятся общежития газовиков, приезжающих работать на газопровод и месторождения вахтовым методом, различные учреждения основного «градообразующего» предприятия «НорильскГазПром», столовая для «вахтовиков», магазин, администрация посёлка Тухард (ТАО), почтовое отделение, библиотека, больница, диспетчерская аэропорта, вертолётная площадка. В «верхнем посёлке» проживает большая часть осевшего автохтонного населения, располагаются дома коренных жителей, Дом культуры (клуб), начальная школа для поселковых детей, несколько магазинов, а также несколько общежитий и учреждений «НорильскГазПром».

До образования населённого пункта Тухард территория современной Тухардской тундры, которая сейчас мыслится как близлежащая к посёлку, определялась в первую очередь бассейнами Большой и Малой Хеты: так, коренные жители Тухардской тундры называют себя не только «тухардскими» и «факельскими», но и «нахётскими» – по названию рек. Коренное население Тухардской тундры, оленеводы и рыбаки, условно выделяют две части на данной территории: так называемые «северный куст» и «южный куст». «Северным кустом» принято называть безлесную часть Тухардской тундры к северо-западу от Тухарда – в сторону Пелятки (Пеляткинского месторождения) и посёлка Мессояха. «Южным кустом» называется более лесистая часть Тухардской тундры – к востоку от Тухарда, между Тухардом и Дудинкой, т.е. территория между Енисеем и его левым притоком – Большой Хетой. По данным на 2017 г., общая численность жителей п. Тухард и Тухардской тундры составляет 992 чел., из которых 927 (т.е. 93,4%) являются представителями коренных малочисленных народов Севера (в 2014 г. эти цифры были соответственно 940 и 876 чел.).

2. Материал и методы исследования

Материал, который привлекается к рассмотрению в данной статье, был собран автором в ходе экспедиции, которая проходила в ноябре-декабре 2017 г. в рамках проекта РНФ № 17-18-01649 «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе». Сбор материала осуществлялся как в п. Тухард (сельского поселения Караул) Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края, так и на стойбищах оленеводов в Тухардской тундре⁶. В ходе экспедиции было проведено и записано на цифровые аудионосители 28 подробных социолингвистических интервью с разбором родословных и языковых биографий носителей таймырского (енисейского) диалекта тундрового ненецкого языка, см. подробнее (Ханина, наст. выпуск) о методологии проведенных интервью. Благодаря этим социолингвистическим интервью была получена информация более чем о 170-ти предках опрашиваемых информантов. Среди основных трудностей и проблем метода социолингвистической реконструкции по данным такого рода интервью, с которыми мы столкнулись в ходе работы, можно перечислить следующие: 1) проблема точной датировки; 2) проблема точной географической локализации; 3) проблема временной ограниченности; 4) проблема интерпретации терминов родства⁷; 5) проблема установления имён предков⁸; 6) проблема определения уровня владения языком / языками; 7) проблема фрагментарности и трудности верификации полученных данных; 8) проблема классификации и унификации полученных данных и др.

3. Языки и локальные этнические группы прошлого и настоящего Тухардской тундры⁹

3.1. Тундровый ненецкий язык (ТН) < северносамодийские < уральские

В настоящее время основным языком общения коренного населения Тухардской тундры является тундровый ненецкий. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 89%

⁶ Сбор материала осуществлялся на объединённом стойбище Яптунэ Юрия (Тыялика) Алексеевича, Яптунэ Сергея (Вадэлика) Алексеевича, Вэнго Андрея Няровича и его сына Вэнго Игоря (Лямби) Андреевича, а также на объединённом стойбище Яптунэ Вадима (Наная) Николаевича, Ямкина Николая Кусевича и Тоги Юрия Анатольевича. Автор выражает оленеводам самую искреннюю благодарность.

⁷ См. подробнее (Куприянова, 1954) и (Хомич, 1966).

⁸ См. подробнее (Ненянг, 1996: 12).

⁹ В данном разделе мы не рассматриваем русский язык, которым в настоящее время владеют почти все жители Тухардской тундры, за исключением некоторых очень пожилых людей и детей дошкольного возраста.

всего населения Тухарда и приписанной к нему Тухардской тундры составляли тундровые ненцы, при этом 67% всего населения говорило на тундровом ненецком языке. Идиом, функционирующий в Тухардской тундре, – это тухардский говор таймырского (енисейского) диалекта тундрового ненецкого языка. Таймырский (енисейский) диалект является самым восточным идиомом в диалектном континууме данного языка и имеет ряд черт, отличающих его не только от западных и центральных говоров, но и от других восточных. Локальная группа тундровых ненцев Тухардской тундры представлена следующими основными фамилиями: 1) *Яптунэ*, реже *Яптунэ* (ТН *Ябтоуэ*, жен.¹⁰ *Ябтой*) ‘гусиная лапа’ < *ябто*’ + *нэ* (*jəbto*-² + *нэ* ‘гусь-GEN.SG нога’) – самый многочисленный род, внутри которого выделяются отдельные родовые подразделения, например: *Хабт нэрка Ябтоуэ* (*хəbto*° *нəркə jəbto*-² *нэ* ‘кастрированный олень-самец большой гусь-GEN.SG нога’) ‘имеющий больших кастрированных оленей-самцов Яптунэ’, *Сыхыча* (происходит от мужского имени), *хаченята* (прозвище происходит от имени *Хачи*, мужчины из рода Яптунэ) и др.; 2) *Яднэ*, *Ядне* (ТН *Ядне*; жен. *Ядны*) ‘идуший пешком’; 3) *Яр* (род также имеет более мелкое дробление: выделяется, например, *Мар*” *нэва Яр*, *mar*”¹¹ *нэва jar* ‘дикий_олень-самец голова Яр’); 4) *Тэседо* (ТН *Тэсяда*, *Tes*°*da*; жен. *Тэсяды*, *Tes*°*di*°) ‘без оленей; не имеющий оленей’ (представлена 1 семья-ветвь); 5) *Вэнго* (ТН *Вэнга*) ‘собачье ухо’ < *вэн*’ + *ха* (*wen*-² + *ха* ‘собака-GEN.SG ухо’) – выходцы из более северной, Носковской, тундры (1 семья-ветвь); 6) *Тогци* (ТН *Тохэ*”(*с*); жен. *Тохэй*, *Тохэсы*) < от *тохо*”(*с*) (*toxo*?) ‘материя, ткань’; 7) *Лампай* (ТН *Лампай* / *Ламбай*, *Лэтрај*°; жен. *Лампай*’ / *Ламбай*’, *Лэтрај*°) ‘ветвистый (о рогах оленя)’; 8) *Пяся* (ТН *Пяся*”); жен. *Пясяды*) ‘без леса, без деревьев’ (?); 9) *Надэр* (ТН *Надер*”); жен. *Надеры*’, *Надерой*’); 10) *Найвоседо* (ТН *Нэвасяда*, *Нэва-s’əda*) ‘безголовый, без головы’ (1 семья-ветвь); 11) *Марик* < *мар*” + *ик* = ‘дикий олень-самец’ + ‘шея’ (1 семья-ветвь); 12) *Береговые* (ТН *Вырмуй* < *вэрм* ‘открытое незащищенное место (например, среди кустарника)’ (Терещенко, 1965: 76), *werm*°).

3.2. Тундровый энецкий (ТЭ) < северносамодийские < уральские

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 5% всего постоянного населения п. Тухард и приписанной к нему Тухардской тундры приходится на долю тундровых энцев, при этом для 1,5% отмечается владение тундровым энецким диалектом. Ненцы Тухардской тундры на своём языке называют тундровых энцев существительным *мандо*” (*manto*-? NOM.PL): возможны варианты произнесения данного слова как [mándo?] / [mándʊ?] / [mánto?] / [mántʊ?] (в форме NOM.PL). Говоря о своих «соседях» – тундровых энцах – на русском языке тухардские ненцы используют слова: *воронцовские*, *мандойки* и *мандошки*. Первое наименование само по себе говорит о территории, на которой до переселения в Тухардскую тундру жили тундровые энцы, – посёлок Воронцово и Воронцовская тундра (северо-восточнее Тухарда, на правом берегу Енисея). Второе название происходит от ТН *мандой*’ (*mantoj*°) ‘женщина из рода тундровых энцев’, третье – от ТН *мандо* (*manto* (Salminen, 1998: 306)) с помощью русского уменьшительного суффикса. Второе и третье названия тундровых энцев используются в русской устной речи тухардских ненцев, которые имеют с ними родственные отношения или состоят с ними в отношениях свойства, такие наименования не являются оскорбительными и свидетельствуют о расположении говорящего к «близким» ему тундровым энцам (обычно употребляются с притяжательными местоимениями: *мои мандойки*, *мои мандошки*). Локальная группа тундровых энцев Тухардской тундры представлена следующими основными фамилиями: 1. *Силкины* (ТЭ *Бай*; ТН *Вай*) – выходцы из Воронцовской тундры в 1970-х гг. (Силкин Пуяку Бакулович и Силкин Дёголь / Деголь / Дёголя / Деголя

¹⁰ В тундровом ненецком языке различаются мужские и женские варианты фамилий.

¹¹ Символом ? здесь и далее обозначен «глухой» гортанный смычный согласный = ” в записи Н. М. Терещенко (Терещенко, 1965), q – в обозначении Т. Салминена (Salminen, 1998).

Бакулович)¹² и их потомки; 2. *Туглаковы* – выходцы из Воронцовской тундры в 1970-х гг. (Туглаков Касо Танулович) и их потомки; 3. *Мирных* (только как девичья фамилия); 4. *Пилько* (только как девичья фамилия).

3.3. Лесной энецкий (ЛЭ) < северносамодийские < уральские

Ненцы Тухардской тундры на своём языке называют лесных энцев словосочетанием *ня вай*” (*p'a waj-ʔ* NOM.PL) букв. ‘лесные Вай’ (‘деревянные Вай’) или просто существительным *вай*” (*waj-ʔ* NOM.PL). Говоря о лесных энцах на русском языке, тухардские ненцы часто используют наименование *потаповские*, т.к. в Тухардскую тундру лесные энцы пришли с «потаповской стороны», из Потаповской тундры (юго-восточнее Тухарда, на правом берегу Енисея). Отметим, что основной приток лесных энцев из Потаповской тундры в Тухардскую проходил намного раньше, чем приток тундрово-энецкого населения «с Воронцовской стороны» в 1970-е гг. Об этом косвенно свидетельствует как тот факт, что потомки от смешанных браков тундровых ненцев и лесных энцев, как правило, меньше знают о своих «потаповских» предках, чем потомки «воронцовских» тундровых энцев, так и отсутствие уменьшительных наименований родственников с «лесно-энецкой стороны», аналогичных названиям, которые тухардские ненцы дают своим «близким» тундровым энцам (*мандо́йки* и *мандо́шки*). В настоящее время людей, считающих себя лесными энцами, на территории Тухардской тундры нет. Локальная группа современных потомков лесных энцев Тухардской тундры представлена следующими основными фамилиями: 1. *Каярины* (ЛЭ *Язне*, *Яз*; ТН *Ядне* ‘идущий пешком’); 2. *Ашляпкины* (ЛЭ *Дючи*; ТН *Ючи*) – как девичья фамилия; 3. *Силкины* (ЛЭ *Бай*; ТН *Вай*). Отдельно необходимо отметить также фамилии лесных энцев Тухардской тундры, которые подвергались «оненечиванию» в более ранний период – не в XX в., а уже начиная с XVIII в.: 1. *Ямкины* (ТН *Насяда*; жен. *Насяды*’, *Насядэй*’); 2. *Пальчины* (ТН *Чор*, *Тёр* букв. ‘крик’); 3. *Лырмины* (ЛЭ *Моло*; ТН *Мало* букв. ‘волчья ягода’, жен. *Малой*’).

3.4. Нганасанский язык (Нг) < северносамодийские < уральские

По нашим данным, в настоящее время в Тухарде проживает всего одна женщина, которую жители Тухардской тундры считают «нганасанкой», однако пообщаться с ней лично и узнать, владеет ли она нганасанским языком и на каком уровне, нам не удалось. По данным социолингвистических интервью, в середине XX в. тухардские ненцы, маршруты которых доходили до Воронцовской тундры, могли знать отдельные слова и владеть нганасанским на бытовом уровне¹³. Отметим, что совсем немногие тухардские ненцы помнят и используют тундрово-ненецкое название для обозначения нганасан – *тавыс*” NOM.PL (Терещенко, 1965: 614): нами были зафиксированы варианты произнесения [təwúsʔ] и [təwísʔ].

3.5. Долганский язык (Д) < тюркские < алтайские

Потомками долган (ТН *туңгос*” NOM.PL, [tɯŋgósʔ] / [tɯŋgúsʔ]), осевшими в Тухардской тундре, являются представители фамилии *Яро́цкие* мужского пола, а также замужние женщины, носившие эту фамилию в девичестве. По данным социолингвистических интервью, все

¹² Здесь следует отметить, что несмотря на одинаковое отчество Пуяку и Дёголя (Бакуловичи), они не являются родными братьями: Дёголь – племянник Пуяку Бакуловича, сын его сестры и тундрового ненца из рода Яптунэ. Отчество «Бакулович» Дёголь носил по имени своего деда по материнской линии (Силкина Бакула), на стойбище которого жил и воспитывался.

¹³ Например, по сведениям З. В. Альковой (урожд. Лампай) о своей бабушке по материнской линии – Лырминой Александре Никаноровне (1922 г. р.).

они являются потомками долганина Яроцкого Николая Савельевича (род. в конце XIX в.), род которого происходит из Якутии. По сведениям, полученным от наших информантов, его сын – Яроцкий Алексей Николаевич – прибыл в Воронцовскую тундру примерно в 1955 г. со стороны Усть-Авама или Волочанки с целью покупки домашних оленей и женился на тундровой ненке Њадэр Сјуньшику (Шуньшику) Пимоновне (1938–2012), семья которой кочевала на левом берегу Енисея напротив Воронцова. Вместе с А. Н. Яроцким в эти места приехали также две его родных сестры и вскоре вышли замуж за тундровых энцев: Яроцкая Аграфена Николаевна – за Силкина Пуяку Бакуловича, Яроцкая Татьяна Николаевна – за Силкина Дёголя Бакуловича. Эти три семьи: одна долганско-тундрово-ненецкая (Д-ТН) и две тундрово-энецко-долганские (ТЭ-Д) – были ближайшими соседями и проживали на одном стойбище, совместно выпасая стада и имея общие маршруты кочёвок на левом берегу Енисея напротив Воронцова примерно с 1956 по 1972 г. В 1972 г., после того как значительное количество их оленей отбилося от стада и ушло с дикими северными оленями («дикарями»), эти семьи (вместе с семьёй тундрового энца Туглакова Касо Тануловича) были вынуждены переселиться в окрестности Левинских песков, где также проживали и другие долгане.

Рис. 2.

В настоящее время потомки А. Н. Яроцкого и его родных сестёр также проживают в Тухардской тундре, но не владеют долганским языком.

4. Реконструкция социолингвистической ситуации многоязычия в Тухардской тундре по данным языковых биографий

Как пример того материала, который нам удалось собрать методом социолингвистических интервью с расширенным ретроспективным компонентом, мы приведем здесь те данные, которые были получены нами о функционировании тундрово-ненецко-тундрово-энецко-долганского (ТН-ТЭ-Д) многоязычия в этих смешанных семьях, проживающих совместно на одном стойбище, а также о постепенной утрате многоязычия и «большом переходе» на тундровый ненецкий язык в семьях потомков этих смешанных браков. Основными информантами,

от которых мы получили данные социолингвистические сведения о многоязычии в этих смешанных семьях, стали в первую очередь следующие жительницы Тухардской тундры: Силкина (урожд. Яптунэ) Галина Хольчевна (1950 г. р., далее СГХ), жена покойного Силкина Юрия Пуяковича (сына тундрового энца Силкина Пуяку Бакуловича и долганки Аграфены Николаевны), и Яптунэ (урожд. Яроцкая) Раиса Алексеевна (1964 г. р., далее ЯРА), дочь долганки Яроцкого Алексея Николаевича и тундровой ненки Њэдэр Сьуньшику (Шуньшику) Пимоновны.

4.1. Первый этап: II пол. 1950-х гг. – II пол. 1970-х гг.

Общение супругов, у которых родные языки разные, между собой, с родственниками друг друга в условиях проживания на одном стойбище и с детьми. Как следует из сказанного выше, на одном стойбище постоянно проживали три семьи: 1) долганско-тундрово-ненецкая (Д-ТН) семья Яроцкого Алексея Николаевича (Д)¹⁴ и его жены Сьуньшику Пимоновны (ТН); 2) тундрово-энецко-долганская (ТЭ-Д) семья Силкина Пуяку Бакуловича (ТЭ) и его жены Аграфены Николаевны (Д); 3) тундрово-энецко-долганская (ТЭ-Д) семья Силкина Дёголя Бакуловича (ТЭ) и его жены Татьяны Николаевны (Д).

4.1.1. Языки общения для «женского коллектива» (для коммуникации в условиях общей хозяйственной деятельности)

Интересным фактом, который отметили наши респондентки, стала взаимная мотивированность женщин, состоящих в отношениях свойства (так, Аграфена Николаевна и Татьяна Николаевна приходятся золовками Сьуньшику Пимоновне) и проживающих на одном стойбище, в овладении родными языками друг друга: в условиях ведения совместного хозяйства при частом отсутствии мужей, работающих «в стаде», понимать речь друг друга в «женском коллективе» было необходимо¹⁵. Отметим, что дочь Сьуньшику Пимоновны (ЯРА) однозначно воспринимает эту мотивацию как доминирующую и даже считает ее значимее мотивации в овладении языком мужа:

«[Инт.:]¹⁶ То есть Ваша мама <Сьуньшику Пимоновна>, у нее родной язык – ненецкий, да? // [ЯРА:] Угу. // [Инт.:] Кроме этого она могла говорить по-долгански, да? // [ЯРА:] По-долгански. // [Инт.:] Потому что муж, ну, отец Ваш <Яроцкий А. Н.>, был долганин, да? // [ЯРА:] Угу. // [Инт.:] Но она с ним часто говорила по-долгански, как? // [ЯРА:] Ну, если у него сестры тоже долгане, она как-то всё равно выучила этот долганский язык. // [Инт.:] Выучила долганский язык? // [ЯРА:] Когда его... куда-то он уезжает, наверно, она с ними общалась, с его сестрами. Они же все жили вместе».

Эту же мотивацию ЯРА усматривает и в обратной ситуации, в том, что Аграфена Николаевна (Д) и Татьяна Николаевна (Д), будучи замужем за тундровыми энцами Силкиными, овладели также и тундровым ненецким языком – родным языком жены своего брата:

«[ЯРА:] Ну вот, мама же <Сьуньшику Пимоновна> ненка. Надо же было с мамой <моей> как-то разговаривать. Вот они поэтому на ненецкий и перешли».

¹⁴ Здесь и далее таким образом в круглых скобках указывается этническая принадлежность человека.

¹⁵ Аналогичная мотивация в овладении родным языком других людей, с которыми осуществляется совместная хозяйственная деятельность, наблюдается не только внутри «женских коллективов» на одном стойбище, но и внутри «мужских коллективов» – оленеводов, занятых совместной работой «в стаде», когда нужно быстро реагировать на изменяющуюся ситуацию и однозначно понимать, о каком именно олене идёт речь (во время поимки определенных оленей арканом). Так, наша информантка СГХ отмечает, что ее муж Силкин Юрий Пуякович, сын тундрового энца Пуяку Бакуловича и долганки Аграфены Николаевны, понимал («слышал») речь долган, вместе с которыми ему приходилось работать «в стаде»: «Вот Юра <...>, в Левинске когда работали, среди этих, долган, он слышал, что они говорят. Если олень будут ловить, он уже знал, какой олень они ловят».

¹⁶ Здесь и далее в квадратных скобках указывается говорящий: Инт. – интервьюер (автор данной статьи); о сокращениях СГХ и ЯРА см. выше.

4.1.2. Усвоение чужого языка как культурная адаптация

Также необходимо отметить, что тухардские ненцы (носители тундрового ненецкого языка как родного) часто соотносят факт усвоения ТН языка «пришлыми» долганями с овладением реалиями ненецкой традиционной материальной культуры: так, в социолингвистических интервью информанты неоднократно отмечали, что долганки Аграфена Николаевна и Татьяна Николаевна не только стали говорить на тундровом ненецком языке, но и стали шить и/или носить одежду не долганского, а ненецкого покроя (А), стали ездить, запрягая оленей в упряжку ненецкого типа, а не навьючивая груз на оленей сверху на долганский манер (Б). Таким образом, усвоение долганями ТН языка в условиях проживания в контакте с численно доминирующим ненецким населением мыслится как один из аспектов перехода от долганской культуры к ненецкой¹⁷. Приведем здесь примеры из интервью с Силкиной Галиной Хольчевой (СГХ), невесткой долганки Аграфены Николаевны:

А) «[Инт.:] А Татьяна Николаевна хорошо по-ненецки говорила? // [СГХ:] Хорошо. И сокуй¹⁸ шила. Одежду нашу. Как научилась?! <...> Когда они вместе работали, перешли на мальцы¹⁹... носить. // [Инт.:] А раньше они что носили? // [СГХ:] Долганский... одежду. И долганские шапки носили. <...> И бабка моя <свекровь, Аграфена Николаевна> знала по-ненецки. Сокуй шила ненецки. А вторая-то, Татьяна Николаевна, она нашу <ненецкую> одежду носила, парку²⁰, бокари²¹. А моя бабка <свекровь, Аграфена Николаевна> – долганское, своё. Не хотела менять одежду. У ней <...> [jik^odəd] <jikəd^o? ‘воротник’> до лица бывает, по-долгански, долганский. Шитая парка²². Как расклешённое пальто». Б) «[СГХ:] А аргишили как кони, как, ну, сверху оленей. Аргишили, кочевали. Говорят, у них мешки были, долганские. Например, мука, половина, половина с той стороны мешком, в мешках. И специально завязывали, чтоб на одну сторону тяжёлый не был. Потом вот... начали сани»²³.

4.1.3. Общение между супругами в смешанных браках

По данным социолингвистических интервью, в рассматриваемых здесь тундрово-энецко-долганских семьях (ТЭ-Д) Пуяку Бакуловича (ТЭ) и Аграфены Николаевны (Д) и Дёголя Бакуловича (ТЭ) и Татьяны Николаевны (Д) бытовое общение между супругами чаще всего шло на тундровом ненецком языке (ТН), но могло осуществляться также и на тундровом энецком (ТЭ), особенно при родственниках со стороны Силкиных (ТЭ). При этом мужья-энцы, возможно, могли «слышать», т. е. немного понимать речь своих жён, разговаривающих между собой на долганском языке, но сами не говорили по-долгански.

а) О языках общения в семье Силкина Пуяку Бакуловича (ТЭ) и Аграфены Николаевны (Д): «[СГХ:] Бабка молчаливая была <свекровь СГХ, Аграфена Николаевна>. // [Инт.:] Но Вы с ней только по-ненецки говорили? // [СГХ:] Ага. // [Инт.:] А по-ненецки она вообще хорошо говорила? // [СГХ:] Хорошо. // [Инт.:] А как же она так быстро язык выучила? // [СГХ:] Не знаю. Раньше же они в Воронцове вместе вон, люди общались, понимали. // [Инт.:] А Аграфена Николаевна по-энецки тоже говорила? // [СГХ:] Говорила. // [Инт.:] С Пуяку, да? // [СГХ:]

¹⁷ Здесь следует также отметить тот факт, что говор долган Яроцких, пришедших в 1950-х гг. с «усть-авамской стороны» в Воронцовскую тундру и в 1972 г. переехавших в окрестности Левинских песков, отличался от говора других долган, с которыми они встречались в Левинских песках. Об этом упоминает Галина Хольчева (СГХ), свекровь которой – Аграфена Николаевна – не могла говорить по-долгански с долганями, приехавшими в Левинские пески из других мест.

¹⁸ Разновидность ненецкой верхней одежды. Подробнее о ненецкой одежде сокуй см. (Амелина, 2013).

¹⁹ Разновидность ненецкой верхней одежды: ТН *мальца* ‘малица (верхняя мужская меховая одежда, шьется мехом внутрь)’ (Терещенко, 1965: 225).

²⁰ Ненецкая женская верхняя распашная одежда: «Парка – верхняя меховая одежда женщины-ненки» (Лабанускас, 1995: 219). Словом *парка* на Таймыре принято называть ТН *пайны*, в Ямало-Ненецком АО в этом значении используется русское существительное – *ягушка*, а в Ненецком АО – *панйца*. Подробнее об этом типе ненецкой женской одежды см. (Амелина, 2014).

²¹ Ненецкая обувь мехом наружу.

²² Здесь в значении просто ‘женская одежда’, не ‘ненецкая женская одежда’.

²³ То есть вначале долгане кочевали, навьючивая груз на оленей сверху в специальных сумках, а затем перешли на ненецкий тип запряжки оленей – в нарты («сани»).

Ага. Со своими. // [Инт.:] А Пуяку по-долгански тоже говорил? // [СГХ:] Неа. Не. <...> // [Инт.:] А между собой они как общались, Аграфена Николаевна и Пуяку Бакулович? // [СГХ:] По-ненэцки. По-ненэцки».

б) О языках общения в семье Силкина Дёголя Бакуловича (ТЭ) и Татьяны Николаевны (Д): «[Инт.:] А Дёголя Бакулович с Татьяной Николаевной как между собой говорили, на каком языке? // [СГХ:] Тоже. Мандо вада́р <*manto wada-r*^o ‘тундровый энецкий язык-NOM.SG.POSS2SG’, букв. ‘тундровый энецкий язык-твой’>. По-эне́цки. И по-ненэ́цки. Дёголь-старик говорил. // [Инт.:] Дёголь Бакулович и мандо вадавна <*manto wada-w*^o*na* ‘тундровый энецкий язык-PROL.SG’, букв. ‘на тундровом энецком языке’> мог говорить, и ненэй вадавна <*n'enej^o wada-w*^o*na* ‘настоящий (тундровый ненецкий) язык-PROL.SG’, букв. ‘на настоящем (тундровом ненецком) языке’>? // [СГХ:] Ага. // [Инт.:] А по-долгански он мог говорить? // [СГХ:] Наверно, слышал».

Что касается долганско-тундрово-ненецкой (Д-ТН) семьи Яроцкого Алексея Николаевича (Д) и Сюньшику Пимоновны (ТН), то бытовое общение между супругами в основном шло на тундровом ненецком языке, но могло осуществляться и на долганском, что подкреплялось совместным проживанием этой семьи на одном стойбище с двумя долганскими женщинами, сёстрами Алексея Николаевича.

4.1.4. «Тайные языки» взрослых

Общей чертой, характерной для функционирования многоязычия в этих трёх семьях, можно считать сознательное языковое дистанцирование родителей от детей – намеренное использование долганского (в большей степени) и тундрового энецкого (в меньшей степени) ввиду того, что ТН и ТЭ – близкородственные, относительно взаимопонятные языки) как «языков для взрослых», своего рода «тайных языков». Основное общение родителей с детьми как в двух рассматриваемых семьях ТЭ-Д, так и в одной семье Д-ТН шло на тундровом ненецком языке, который стал основным языком для детей в этих смешанных браках. В Д-ТН семье Яроцкого Алексея Николаевича (Д) и Сюньшику Пимоновны (ТН) только старшие сыновья (в первую очередь Яроцкий Прокопий Алексеевич) могли понимать и говорить по-долгански, младшие же дети (в частности наша респондентка Раиса Алексеевна, ЯРА) совсем не понимают долганскую речь. Так, ярким примером, подтверждающим факт использования долганского языка как «тайного языка» для общения взрослых, в этой семье может служить следующее высказывание Раисы Алексеевны, дочери Яроцкого Алексея Николаевича (Д) и Сюньшику Пимоновны (ТН), родным языком которой является ненецкий (ТН):

«[ЯРА:] Она <моя мать> выучила энецкий язык, она с ними по-эне́цки разговаривала. Когда что-то тайное от детей надо сказать, она могла и по-долгански говорить. (*Смеётся*). У ней же муж <мой отец> был долганин, Яроцкий. И мы поэтому ничего не знали, они всё тайное говорили на другом языке. На энецком и на долганском. У этих мамы – долгане, у Силкиных, они – по-долгански. Старшие, вот эти братья наши, могли по-долгански говорить, а мы, младшие, никогда ничё <ничего> не понимали. Поэтому они всё тайно, тайное, всё говорили на другом языке. И мы никогда не знали, что плохое происходит, кто там кого чего... И для нас вот эти вот братья, они были всегда хорошими, потому что они никогда плохое нам не говорили. То, что плохое, они могли на другом языке только со взрослыми, так вот пообщаться».

4.2. Второй этап: Первое поколение от смешанного (ТЭ-Д) брака

Двоюродные братья Силкин Юрий Пуякович и Силкин Роман Деголевич могли до самой смерти Юрия Пуяковича общаться между собой не только на тундровом ненецком (как с большинством жителей Тухардской тундры), но и на тундровом энецком, но не на долганском. См. об этом свидетельство жены Силкина Юрия Пуяковича – Галины Хольчевны (СГХ):

«[СГХ:] Вот Роман <Силкин Роман Дёголевич>, когда у меня муж живой был, они всё время говорили. <...> Они всё время по-своему говорили <на ТЭ>, пока брат вот этот был. <...> Они-то между собой всё время по-своему говорили, по-эне́цки».

Однако, по свидетельству СГХ, её муж Силкин Юрий Пуякович также «слышал» долганскую речь, т.е. понимал по-долгански, и даже, возможно, мог немного говорить на этом языке:

«[СГХ:] Вот Юра <...>, в Левинске <в Левинских песках> когда работали, среди этих, долган, он слышал, что они говорят. Если олень будут ловить, он уже знал, какой олень они ловят. <...> Он, кажется, еще, по-моему, говорил, с этими долганами. Когда здесь в Левинске были, <...> одни долганы были»²⁴.

Со своей женой – Галиной Хольчевной (в девичестве Яптунэ), родным языком которой является ТН (она происходит из семьи, где оба родителя – тундровые ненцы), – Силкин Юрий Пуякович общался на ненецком (ТН), однако, по утверждению Галины Хольчевны, она «слышала», т.е. понимала, когда муж разговаривал с Силкиным Романом Деголевицем на тундровом энецком, но сама не говорила на нём (ТЭ)²⁵.

4.3. Третий этап: Второе поколение от смешанного (ТЭ-Д) брака, первое поколение от смешанного (ТЭ-ТН) брака.

4.3.1. «Наследование» этнической принадлежности по отцовской линии

В этой части мы остановимся на том, как шло общение в семье Силкина Юрия Пуяковича, потомка от смешанного ТЭ-Д брака, и Галины Хольчевны (ТН). Как уже упоминалось выше, Юрий Пуякович общался с женой на ТН, но также мог говорить и на ТЭ со своим родственником Романом Деголевицем и со своим отцом Пуяку Бакуловичем. При этом со своими детьми Юрий Пуякович говорил на ТН, но они также могли слышать, как отец говорил по-энецки (ТЭ) с другими людьми, и понимать отдельные слова (особенно это касается старших детей, в первую очередь старшего сына – Силкина Николая (Бакула) Юрьевича, 1972 г. р.)²⁶:

«[Инт.:] А Вы с Юрием Пуяковичем между собой как обычно говорили? // [СГХ] По-ненецки. // [Инт.:] А с детьми? // [СГХ:] С детьми тоже – по-ненецки. Поэтому они свой язык не знают. // [Инт.:] А Юрий Пуякович какие-то отдельные слова им говорил, нет? По-энецки? // [СГХ:] Конечно, говорил. Я говорю, старший слышит, так-то, тоже. // [Инт.:] Но они что-то могут понимать, дети Ваши, если по-энецки говорят? // [СГХ:] Конечно, будут. Маленькие-то, не знаю, сколько понимают. Коля понимает вот».

В этой цитате из интервью с Галиной Хольчевной можно отметить одну интересную особенность: фраза «свой язык не знают» свидетельствует о том, что «своим языком» детей Галина Хольчевна называет не тундровый ненецкий, который является для них и для неё самой родным и на котором велось всё общение с детьми (и между родителями), а тундровый энецкий – родной язык деда своих детей по отцовской линии (Пуяку Бакуловича). В традиционной культуре коренного населения Тухардской тундры считается, что язык, как и этничность, «наследуется», «передаётся» по мужской линии (от отца, а не от матери к детям), поэтому и сам Юрий Пуякович считается тундровым энцем (хотя его мать – долганка), и его дети (от смешанного брака с тундровой ненкой Галиной Хольчевной) также считаются тундровыми энцами (*мандо*), а их «своим языком» должен считаться тундровый энецкий (*мандо вада*), которым они при этом не владеют, а не родной для них тундровый ненецкий (ТН)²⁷. Однако факт

²⁴ См. выше о мотивированности в изучении языка для ведения совместной хозяйственной деятельности.

²⁵ Также, по словам Галины Хольчевны (СГХ), понимать она могла не только разговор на тундровом энецком, которым в некоторой степени владел её муж, но и на лесном энецком, при этом отличия между ТН и ТЭ она воспринимает как разницу в «ударении» (не совсем ясно, что именно вкладывается в это понятие), а произношение слов в ЛЭ она склонна воспринимать как более протяжное, чем в ТН: «Понимаю, но ударение не туда падает. Не свой же язык. Слышать – слышу. Ага, *мандо вада* <ТЭ>. <...> А этот *пя вай* <ЛЭ> вытягивается как будто. Вытягивается слова. <...> Вытягивается как будто».

²⁶ При этом слова «интернационал» и «иностранец», которыми дети Юрия Пуяковича и Галины Хольчевны, называют своего отца также свидетельствуют о том, что они слышали, как отец говорил не только на ненецком (ТН), но и на энецком (ТЭ).

²⁷ Сложнее обстоит ситуация с потомками Силкина Дёголя Бакуловича, которых далеко не все коренные жители Тухардской тундры считают тундровыми энцами. Как уже было сказано выше, несмотря на одинаковое отчество Пуяку и Дёголя (Бакуловичи), они не являются родными братьями: Дёголь – племянник Пуяку Бакуловича, сын его

незнания детьми «своего языка» и представление о том, что тундровый энец (*мандо*) должен говорить на тундровом энецком (*мандо вада*), накладывает свой отпечаток на восприятие Галиной Хольчевой этнической идентичности своих детей:

«Тогда же как попало писали. И то у меня вот дети – энцы. Пишется один Юра, Юрий Юрьевич, энец. Остальные ненцами пишутся. Один Юрий Юрьевич, сейчас есть в тундре, вверху. Какой энец?! Апы <‘мама’> не знает по-энецки».

4.3.2. Термины родства и «тундрово-энецкие ярлыки»

Наглядной иллюстрацией того, как происходило живое языковое общение в семье Юрия Пуяковича и Галины Хольчевой, когда не все их дети еще вышли из подросткового возраста, стала попытка анализа функционирования терминов родства, употреблявшихся членами этой семьи в повседневной коммуникации. Простой опрос типа «как будет по-ненецки ‘отец’, как будет ‘мать’ и т.д.» сразу же показал, что Галина Хольчева называет не только тундрово-энецкие термины родства, но наряду с ними и даже зачастую в первую очередь – тундрово-энецкие, при этом сразу приводя контексты-клише, в которых энецкие термины родства функционировали в их с мужем семье.

4.3.2.1. ‘Отец’, ‘nana’

При ответе на вопрос, каким словом выражается понятие ‘отец’ (‘папа’), Галина Хольчева приводит в первую очередь тундрово-энецкое слово *aja* ‘папа’²⁸ и лишь затем поясняет, как это понятие выражается на тундровом ненецком языке (ТН [átɛɪ] ‘папа’, [nʲisʲár] *nʲisʲa-r*^o ‘отец-NOM.SG.POSS2SG’, ‘отец-твой’), при этом противопоставляя, как будет «у нас по-энецки», ставя себя таким образом на «энецкую сторону». Отец детей Галины Хольчевой – тундровый энец, поэтому и слово для обозначения отца в их семье использовалось именно тундрово-энецкое, а не ненецкое (причем как самими детьми, так и их матерью, родной язык которой – ТН).

«[Инт.:] Как будет ‘отец’? // [СГХ:] *Aja* <ТЭ>. По-энецки: *aja. Nienej^o wadaw^ona²⁹* – [átɛɪ] <ТН> или [nʲisʲár] <ТН *nʲisʲa-r*^o ‘отец-NOM.SG.POSS2SG’, ‘отец-твой’>. <...> А у нас по-энецки – это *aja*. // [Инт.:] И Ваши дети так говорили? // [СГХ:] Так говорили – *aja*. //

[Инт.:] А Вы про своего мужа обычно как говорили?»

[СГХ:]	[ajárɨɲe <i>aja-ri-ɲe</i> ^o ‘папа_ТЭ’-LIM-ESS ‘Только <i>aja</i> мы называли’.	[pàrtɛɛtɨwɛʔ] <i>pæ^or-c^oti-waʔ</i> ‘звать, называть’-HAB-IND.AOR.OBJ.1PL
	[ajár <i>aja-r</i> ^o ‘папа_ТЭ’-NOM.SG.POSS2SG ‘Твой <i>aja</i> пришёл / приехал’ ³⁰ .	[tɔ] <i>to</i> ^o -Ø ‘прийти / приехать’-IND.AOR.SUB.3SG

сестры и тундрового ненца из рода Яптунэ (отчество «Бакулович» было дано Дёголю по имени его деда по материнской линии). Так как отцом Дёголя был тундровый энец из рода Яптунэ, многие тухардцы склонны считать Дёголя и его потомков не тундровыми энцами, а ненцами, несмотря на то, что Дёголь воспитывался дедом Бакулом (тундровым энцем) и жил в энецком (ТЭ) окружении, а его родным языком был тундровый энецкий, а не ненецкий (ТН).

²⁸ См. электронный аудиословарь тундрового энецкого языка О. В. Ханиной в базе “LingvoDoc”: *aja* ‘папа’.

²⁹ *Nienej^o wada-w^ona* ‘настоящий (тундровый ненецкий) язык-PROL.SG’, букв. ‘на настоящем (тундровом ненецком) языке’.

³⁰ Здесь вся фраза произносится на ТН, за исключением слова *aja* ‘папа’, оно звучит на ТЭ.

4.3.2.2. 'Мать', 'мама'

При ответе на вопрос, каким словом выражается понятие 'мать' ('мама'), Галина Хольчевна также вначале приводит не ненецкое ТН *ama* 'мама' и ТН *n'eb'ia* 'мать', а энецкое (ТЭ) существительное *aba*³¹. При этом она отмечает, что дети называли её только «по-своему» – только энецким (ТЭ) словом. Кроме того, маленькая внучка Галины Хольчевны (дочь её дочери Юлии Юрьевны) также, услышав, как называет бабушку её мать (*aba* 'мама'), стала называть бабушку этим словом. Таким образом, тундрово-энецкое существительное *aba* в сознании внучки Галины Хольчевны и Юрия Пуяковича уже не имеет значения 'мама', а является своего рода «ярлыком» для обозначения именно Галины Хольчевны.

«[Инт.:] А как мы скажем 'мать'? // [СГХ:] Ну, *aba* <ТЭ>. Это по-энецки. А так скажут – [n'eb'jár] <ТН *n'eb'ia-r°* 'мать-NOM.SG.POSS2SG', 'мать-твоя'> или *ama* <ТН>. // [Инт.:] А Вас дети как называли? // [СГХ:] *Aba*. По-своему. Они никогда не скажут *ama* <ТН>, *мама* <рус.> или чё-нибудь <что-нибудь>. Они всё время – *aba*. Вот внучка Юлины поэтому говорит. Она слышит это, мать, Юлю, вот и поэтому *aba* говорит. <...> Сейчас вот этот Юлин внучка говорит «бабка» – *aba*. <...> Если *aba* говорит – значит, меня говорит».

4.3.2.3. 'Дед, дедушка'

Аналогично при ответе на вопрос, каким словом выражается понятие 'дед, дедушка', Галина Хольчевна также вначале приводит не ненецкое (ТН *jir'ir'i*), а энецкое (ТЭ) существительное. Это объясняется тем, что дедушкой, с которым жили вместе на одном стойбище дети Юрия Пуяковича и Галины Хольчевны и к которому часто обращались, был тундровый энец (*мандо*) Силкин Пуяку Бакулович, и обращение к нему на его языке было поэтому закономерным. При этом, возможно, Галина Хольчевна не всегда различает между собой тундрово-энецкие слова *ese* 'отец' и *ise* 'дед, дедушка'³², потому что в их семье оба эти слова могли употребляться по отношению к одному человеку – Пуяку Бакуловичу: так, Юрий Пуякович мог называть его и *ese* 'отец' (т.к. Пуяку Бакулович – его отец), и *ise* 'дед, дедушка' (т.к. Пуяку Бакулович – дедушка его детей). В любом случае здесь также может проследиться тенденция к превращению этих тундрово-энецких терминов родства в «ярлыки» для обозначения одного конкретного человека.

«[СГХ:] Вот, например, Пуяку-старика говорим – [esér] <ТЭ *ese-r°* 'отец'-NOM.SG.POSS2SG>, *manto wadaw°na*³³, [esi] <ТЭ>. Значит, [n'is'jár] <ТН *n'is'a-r°* 'отец-NOM.SG.POSS2SG', 'отец-твой'>, [n'is'je] <ТН *n'is'a* 'отец'>. Старик – [esi] <ТЭ>. // [Инт.:] Это кто так к кому обращался? // [СГХ:] Уже, когда чай пить, говорим: «Позови [esér] <ТЭ *ese-r°* 'отец'-NOM.SG.POSS2SG>, деда». // [Инт.:] Это Вы про Пуяку Бакуловича говорили? // [СГХ:] Ага, Пуяку Бакуловича. // [Инт.:] Это Вы детям так говорили? // [СГХ:] Ага. [Инт.:] А как Вы говорили?»

[СГХ:]	[esér <i>ese-r°</i> 'отец_ТЭ'-NOM.SG.POSS2SG 'Твоего <i>ese</i> найди. Вот'.	/	esér <i>ese-r°</i>	xos // <i>xo-?</i>	ti] // <i>ti</i> 'вот'
--------	---	---	-----------------------	-----------------------	------------------------------

[xos <i>xo-?</i> 'найти'-IMP.SUB.2SG 'Найди – на ненецком языке'.	/	nienéj <i>nienej°</i> 'настоящий, ненецкий'	wedáune] <i>wada-w°na</i> 'язык'-PROL.SG
--	---	---	--

[mánto <i>manto</i> 'тундрово-энецкий' 'На тундровом энецком языке – твой <i>ese</i> '.	/	wedáune <i>wada-w°na</i> 'язык'-PROL.SG	esér] <i>ese-r°</i> 'отец_ТЭ'-NOM.SG.POSS2SG
--	---	---	--

У меня дети будут так путались. На разные языки. // [Инт.:] А Вы не могли им сказать *jir'ir° xo?* <ТН 'деда-твоего найди'>? // [СГХ:] Тоже можно. И пошли бы они. // [Инт.:] А если бы Ваш муж говорил эту фразу, он бы как сказал? // [СГХ:] Тоже так же: [jir'ig xos] <ТН *jir'ir-r° xo-?* 'деда-твоего найди'>. Или [esér] <ТЭ *ese-r°* 'отец'-NOM.SG.POSS2SG>».

³¹ См. электронный аудиословарь ТЭ языка О. В. Ханиной в базе "LingvoDoc": *abaa, aba* 'мать; старшая сестра; тётя'.

³² См. электронный аудиословарь ТЭ языка О. В. Ханиной в базе "LingvoDoc": *ese* 'отец', *ise* 'дед'.

³³ *Manto wada-w°na* 'тундровый_энец язык-PROL.SG', букв. 'на тундровом энецком языке'.

4.3.2.4. 'Свекровь', 'тёща'

Еще одним тундрово-энецким термином родства, который при опросе назвала нам Галина Хольчевна, стало существительное [menʲə]³⁴ (ТЭ), служащее, по её мнению, для обозначения понятий 'свекровь' и 'тёща'. Возможно, что память об этом энецком термине родства сохранилась у Галины Хольчевны из-за того, что это слово употреблялось в семье её мужа по отношению к старшим женщинам, старшим родственницам с «энецкой стороны».

Заключение

Практика заключения смешанных браков и уникальная ситуация многоязычия в Тухардской тундре привели к тому, что локальная группа тухардских ненцев значительно отличается от остальных тундрово-ненецких групп. Иноэтничные компоненты, адаптированные и «растворившиеся» в локальной группе тухардских ненцев, привели не только к очевидным изменениям в традиционной ненецкой материальной культуре³⁵, но также сыграли свою роль в формировании уникальной самоидентификации тухардских («нахётских») ненцев, что нашло отражение даже в их самоназвании. Если для большинства тундровых ненцев самоназванием является словосочетание ТН *ненэй ненэця*” (*ненэй ненэчя*)” ‘настоящие люди’, то тухардские ненцы не называют себя так и, что особенно интересно и показательно, обозначают этим понятием более западных «тюменских» ненцев³⁶, противопоставляя себя им. Ситуация, при которой локальная этническая группа называет представителей другой локальной группы того же этноса, а не себя словосочетанием со значением ‘настоящие люди’, кажется нетривиальной, если не сказать уникальной. Приведем здесь показательный диалог с Кузнецовой (в девичестве Яроцкой) Екатериной Андреевной (1983 г. р., далее КЕА), дочерью от смешанного долганско-тундрово-ненецкого брака (Д-ТН), и уже известной нам её тётей (сестрой её отца) – Яптунэ (урожд. Яроцкой) Раисой Алексеевной (ЯРА):

«[Инт.:] А *ненэй ненэчя*” – вы себя так не называете? // [КЕА:] *Ненэй ненэчя*” – это же не ненец! Не ненец <т. е. не тухардский ненец>. // [ЯРА:] Мы себя так не называем. // [Инт.:] Не называете? // [КЕА:] Нет (*смеётся*). // [ЯРА:] Нее. // [АМК:] Это так “тюменские” себя называют? // [ЯРА:] Ну... Нет, мы их так называем! Кто они там приехали, грит <говорит>? *Ненэй ненэчя*”. Вот так вот грят <говорят>, потихонечку, грят <говорят> (*тихо*). Это не наши, значит».

Общим самоназванием тухардских ненцев, с помощью которого они противопоставляют себя «тюменским» ТН *ненэй ненэця*” (*ненэй ненэчя*)” ‘настоящим людям’, является существительное *юрак*”, этим словом тухардские ненцы называют любых представителей своей локальной группы³⁷. Напомним, что именно это слово легло в основу старого общего наименования ненцев – «юраки».

³⁴ В аудиословаре О. В. Ханиной это слово, наряду с этим, зафиксировано также и в других произносительных вариантах: *menʲeʔə*, *menʲiʔə*, *menʲeə* ‘старуха’.

³⁵ Ненцы низовьев Енисея, в отличие от более западных тундровых ненцев, проживают в чумах только в летний период, а зимой – в балках с покрытиями из сшитых оленьих шкур, технологию изготовления которых они переняли у долган.

³⁶ То есть ненцев Гыданской, Тазовской, Ямальской и др. тундровых территорий, расположенных в Ямало-Ненецком автономном округе, формально относящемся к Тюменской области.

³⁷ Для жителей Тухардской тундры, с которыми говорящий находится в родственных отношениях и в отношениях свойства (зятья, мужья дочерей, сестёр, родственниц и т.д.), есть также более частное название – *хър”на” ненэчйна*” букв. ‘мы-сами (наши собственные) люди-наши’, т.е. подгруппа «самых близких» из общетухардской группы *юрак*”, и при этом эти «самые близкие» совершенно необязательно должны быть тундровыми ненцами: в эту частную подгруппу могут входить и Силкины, и Яроцкие, и представители любых других фамилий, если они являются свойственниками.

Таким образом, конкретные языковые биографии представителей коренного населения Тухардской тундры и их предков могут стать «кирпичиками» в реконструкции социолингвистической ситуации в этом регионе, дополнить наши представления о функционировании многоязычия в низовьях Енисея в конце XIX в. и начале XX в., а также о том, как именно шёл процесс его утраты на протяжении XX в. и какими «лингвистическими идеологиями» подкреплялся «большой переход на ненецкий».

Список литературы:

- Амелина М. К.** Ненецкая верхняя одежда: парка и совик // Урало-алтайские исследования. – 2013. – № 3 (10). – С. 7–23.
- Амелина М. К.** Ненецкая женская одежда паны: западная паница и восточная ягушка // Урало-алтайские исследования. – 2014. – № 4 (15). – С. 7–31.
- Куприянова З. Н.** Терминология родства в устном народном творчестве ненцев // Учёные записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. – Л., 1954. – Т. 101.
- Лабанаускас К. И.** Ненецкий фольклор: Мифы. Сказки. Исторические предания. (Серия «Фольклор народов Таймыра»). Вып. 5 / Ред. Л. П. Ненянг, Р. П. Яптунэ. – Красноярск, 1995.
- Ненянг Л. П.** Наши имена: к вопросу об имяназвании и бытовании собственных имён у ненцев Таймыра. Антропологический очерк. – СПб.: Отделение издательства «Просвещение», 1996. – 106 с.
- Терещенко Н. М.** Ненецко-русский словарь. – М., 1965.
- Ханина О. В.** Практики многоязычия в низовьях Енисея: опыт социолингвистического описания ситуации в прошлом // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2019. Настоящий выпуск.
- Хомич Л. В.** Ненцы: Историко-этнографические очерки. – М.; Л., 1966.
- Salminen T.** A Morphological Dictionary of Tundra Nenets. – Helsinki, 1998.

Сокращения в названиях языков и диалектов:

Д – долганский язык; ЛЭ – лесной энецкий; Нг – нганасанский язык; рус. – русский язык; ТН – тундровый ненецкий язык; ТЭ – тундровый энецкий.

Глоссы:

AOR – аорист; ESS – эссив; GEN – генитив; HAB – хабитуалис; IMP – императив; IND – индикатив; LIM – лимитатив; NOM – номинатив; OBJ – объектное спряжение; PL – множественное число; POSS – посессивное склонение; PROL – пролатив; SG – единственное число; SUB – субъектное спряжение⁴ 1 – первое лицо; 2 – второе лицо⁴ 3 – третье лицо.

Амелина Мария Константиновна, младший научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва, Россия, 125009.

E-mail: neamelina@gmail.com

Материал поступил в редакцию 7 сентября 2018 г.

М. К. Amelina

“THE BIG SHIFT TO TUNDRA NENETS”: RECONSTRUCTION OF THE SOCIOLINGUISTIC SITUATION IN TUKHARD TUNDRA (TAIMYRSKY DOLGANO-NENETSKY DISTRICT) ACCORDING TO LANGUAGE BIOGRAPHIES

In the article the data collected by the author during the expedition (November and December 2017) to Tukhard (Karaul rural settlement, Taimyrsky Dolgano-Nenetsky District) and the nomadic settlements of reindeer herders in Tukhard tundra are considered. In the first section of the article the question

about the boundaries of Tukhard tundra, the key “milestones” of Tukhard history and the data on the population of the region are considered. In the second section the author describes the material of the research (the detailed sociolinguistic interviews with the analysis of genealogical lines, “family trees” and language biographies of the native speakers of the Tukhard idiom of the Taimyr dialect of Tundra Nenets) and deals with the main difficulties and problems of the method of sociolinguistic reconstruction according to the data of language biographies. In the third section there are the lists of surnames of different local ethnic groups, living in Tukhard tundra (Tundra Nenets, Tundra Enets, Dolgans etc.). In the fourth section of the article the author illustrates the possibilities of the method of sociolinguistic reconstruction according to the data of language biographies: the peculiarities of multilingualism functioning in the conditions of mixed marriages and economic activities of representatives of different ethnic groups, as well as linguistic ideologies behind them are considered. In addition, this section shows how the loss of multilingualism (“the big shift to Tundra Nenets”) occurred. In conclusion the author highlights the uniqueness of the local group of Tukhard Nenets, in which a lot of different ethnic components are “dissolved”.

Key words: *Tundra Nenets, Tundra Enets, Dolgan, language biography, sociolinguistics, linguistic ideology, multilingualism, local ethnic group.*

References:

- Amelina M. K.** Neneckaja verhnjaja odezhda: parka i sovik // Uralo-altajskie issledovanija. – 2013. – Vol. 3 (10). – S. 7–23. [Nenets clothes: parka and sovik // Ural-Altai Studies. – 2013. – Vol. 3 (10). – P. 7–23.] (in Russian)
- Amelina M. K.** Neneckaja zhenskaja odezhda päny: zapadnaja panica i vostochnaja jagushka // Uralo-altajskie issledovanija. – 2014. – Vol. 4 (15). – S. 7–31. [Nenets women’s clothes päny: The Western panica and the Eastern jagushka // Ural-Altai Studies. – 2014. – Vol. 4 (15). – P. 7–31.] (in Russian)
- Kuprijanova Z. N.** Terminologija rodstva v ustnom narodnom tvorcestve nencev // Uchonye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo instituta im. A. I. Gercena. – L., 1954. – T. 101. [Kinship terminology in the Nenets oral folk art // Scientific notes of Herzen Leningrad State Pedagogical Institute. – L., 1954. – Vol. 101] (in Russian)
- Labanauskas K. I.** Neneckij fol’klor: Mify. Skazki. Istoricheskie predanija. (Serija “Fol’klor narodov Tajmyra”. – Vyp. 5.) / Red. L. P. Nenjang, R. P. Japtune. – Krasnojarsk, 1995. [Nenets folklore: Myths. Tales. Historical legends. (Series “Folklore of the Taimyr peoples”. Iss. 5.)] (in Russian and Tundra Nenets)
- Nenjang L. P.** Nashi imena: k voprosu ob imjanarečenii i bytovanii sobstvennyh imjon u nencev Tajmyra. Antroponimicheskij očerok. – SPb.: Otdelenie izdatel’stva “Prosveshčenie”, 1996. – 106 s. [Our names: on naming and existence of proper names of Taimyr Nenets. Anthropological essay.] (in Russian and Tundra Nenets)
- Tereshchenko N. M.** Nenecko-russkij slovar’. – M., 1965. [Nenets-Russian Dictionary] (in Russian and Tundra Nenets)
- Khanina O. V.** Current issue. Praktiki mnogojazyčhija v nizovjax Jeniseja: opyt sociolingvističeskogo opisanija situacii v proshlom [Multilingual practices in the lower Yenisei area: a sociolinguistic study of the past] // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2019.
- Khomich L. V.** Nency: Istoriko-etnograficheskie očerki. – M., L., 1966. [The Nenets: historical and ethnographic essays] (in Russian)
- Salminen T.** A Morphological Dictionary of Tundra Nenets. – Helsinki, 1998.

Amelina Maria Konstantinovna, Junior research fellow.

Institute of Linguistics RAS.

Big Kislowskiy, 1, str. 1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: neamelina@gmail.com